

Торопиться в таком деле не следовало — оставалось лишь терпеливо, шаг за шагом прощупывать почву.

Малыш, однако, изнывал от нетерпения. Он как-то незаметно подобрался к Таотэ и крепко обхватил его за лодыжку. Снизу вверх заглядывая гиганту в лицо, он с надеждой спросил:

— Мы больше не пойдём?

Всё его нетерпение читалось во взгляде. Кроха смотрел на него снизу вверх, словно щенок, ждущий обещанного угощения, — круглые глазки влажно поблескивали от волнения.

— Идём, — Таотэ поднялся на ноги.

Малыш радостно вцепился в его лодыжку, и оборотень бережно перенёс прицепившегося кроху наружу.

Оказавшись во дворе, Якоб тут же спрыгнул с широкой, похожей на лодку ступни Таотэ и припустил в заросли зеленолистника.

Таотэ не стал его задерживать и вернулся к прерванной работе — прополке сорняков.

— У вас на родине все такие? — спросил Таотэ.

Малыш тем временем увлечённо шнырял в густой листве. Услышав голос, он высунул взъерошенную макушку из травы:

— О чём ты, Таотэ?

— Я о твоих ранах. У вас там все так быстро поправляются?

Вообще-то Таотэ хотел расспросить о крыльях, но решил зайти издалека.

Пока кроха пробирался сквозь заросли, он успел перемазаться в земле, а к его губам прилипла травинка. Таотэ осторожно, кончиком пальца, смахнул соринку с его личика.

— Раны? — Якоб ласково потёрся щекой о его палец, отчего чистая до этого мордашка покрылась новыми грязными разводами. — Конечно, заживают. А разве у тебя не так?

Таотэ покачал головой:

— Но только что они открылись снова.

Малыш насупился, припоминая недавнее:

— Ну-у... Якоб применил силу, вот они и разошлись.

Таотэ на миг задумался, пытаясь осознать услышанное.

— Хочешь сказать, у вас есть особый дар? Вы можете скрывать увечья и мгновенно становиться сильнее?

Якоб недоуменно моргнул и кивнул, явно не понимая, почему великан так удивлён:

— Да, Таотэ...

«Похоже, у этой силы есть своя цена, — размышлял Таотэ. — То, что он до сих пор не может летать, наверняка связано со скрытыми травмами».

Стоило крохе применить дар, как неокрепшее тело не выдержало нагрузки — старые швы лопнули, лишив его последних сил. Подобная способность казалась невероятной. Мгновенно затянуть смертельные раны, пробудить в себе мощь, превосходящую обычную в сотни раз... Если бы об этом прознали чужаки, жаждущие безграничной силы, малышу бы несдобровать.

В голове не укладывалось, как в таком крошечном тельце может таиться столь сокрушительное могущество.

Пока Таотэ предавался раздумьям, Якоб снова юркнул в траву. Среди густых стеблей виднелась лишь его круглая макушка, откуда донеслось тихое, невнятное бормотание.

— Что ты сказал? — спросил Таотэ, раздвигая ладонью заросли зеленолистника.

Малыш сидел, обхватив руками толстый стебель. Опустив голову, он мял пухлыми пальчиками влажную землю у корней и, робко косясь на великана, пролепетал:

— П-прости... эм...

Голос его звучал слишком тихо, Таотэ не расслышал и наклонился ближе:

— Что-что?

— Ну... я говорю, прости меня... — Кроха мгновенно залился густым румянцем. Теребя стебелёк, он едва слышно выдавил: — За то, что было там, в доме... прости.

К концу фразы его смелость окончательно испарилась. Обняв сочный зелёный побег, он виновато поглядывал на своего спасителя.

Он ведь вовсе не хотел причинить Таотэ боль. Ему просто отчаянно хотелось доказать, что он не бесполезен. Кто же знал, что бросок окажется настолько сильным? Заметив, как великан поморщился, Якоб испугался не на шутку.

Великан молчал, и это молчание пугало. Кроха робко ковырял пальчиком стебель, похожий для него на вековое дерево. Сердце у него ушло в пятки. От волнения он принялся шаркать босыми ножками по земле, мгновенно испачкав нежную белую кожу.

— Ладно, я понял, — добродушно усмехнулся Таотэ.

На самом деле он ничуть не ушибся, просто опешил от неожиданности.

Якоб облегчённо перевёл дух. Смущённо пискнув, он забавно фыркнул и поспешил укрыться в густых зарослях.

Провожая его взглядом, Таотэ лишь покачал головой. С чего бы вдруг такая скромность? Неужто устыдился?

— Больше никогда не пользуйся этой силой, — серьёзно произнёс Таотэ после долгой паузы. — Никто не должен о ней знать.

Якоб озадаченно выглянул из-под широкого листа. Великан увлечённо рвал сорняки, даже не глядя в его сторону, но малыш послушно, со всей серьёзностью закивал головой.

Они ведь договорились: он будет во всём слушаться Таотэ.

Кроха гордо вскинул пухлый подбородок. Тайну он сохранит, чего бы это ни стоило. Мы ведь договорились!

Закончив с сорняками, Таотэ принялся наводить порядок во дворе: нужно было занести в дом подсохшие дрова и убрать сухие листья. Пока великан перетаскивал тяжёлые поленья, кроха вовсю хлопотал у него за спиной. Он прилежно собирал мелкие веточки и сучки, складывая их в кучу высотой со свой собственный рост.

Единственной сложностью было случайно не наступить на усердного помощника. К тому времени как Таотэ управился с дровами, за его спиной вырос аккуратный холмик из палой листвы.

Сам же малыш куда-то запропастился. Двор всё ещё выглядел неопрятно, и Таотэ принялся оглядываться в поисках питомца. Наконец он заметил его в самом углу: кроха, потешно покачиваясь, тащил сухую ветку, которая была раза в три длиннее его самого.

С трудом подавляя смех, Таотэ двумя пальцами подхватил ветку и вместе с повисшим на ней «тяжелоатлетом» перенёс к общей куче.

Якоб, до этого болтавший в воздухе ножками, шлёпнулся прямо на мягкую лиственную подстилку.

— Сиди здесь и не высовывайся, — скомандовал Таотэ. — Мне нужно закончить уборку. Если не успею до полудня, никуда после обеда мы не пойдём.

Малыш надул губы — ему искренне казалось, что его помощь неоценима. Но желание поскорее отправиться на прогулку перевесило. Немного посомневавшись, он негромко пролепетал:

— Тогда поторапливайся...

— Я мигом. Главное — под ногами не путайся, а то раздавлю ненароком, — пообещал Таотэ и принялся за работу с удвоенной силой.

Без маленького помощника дело пошло куда быстрее. Ещё до того, как солнце достигло зенита, Таотэ закончил все дела и даже поправил покосившийся забор.

Когда полдневные лучи залили двор, Таотэ вернулся к куче листьев. Кроха уже спал без задних ног, свернувшись калачиком и обняв сухой лист вместо одеяла.

Заботливо перенеся соню в дом, великан развёл в очаге огонь и принялся за обед.

Припасы подходили к концу, но, к счастью, со вчерашнего дня оставалось немного батата и свежих листьев. Поскольку свободного времени было в обрез, Таотэ решил ограничиться простой кашей из рисового плода и батата.

Пока в котелке весело булькало варево, за спиной слышались тяжёлые шаги. Обернувшись, он увидел входящего на кухню Кэмпбелла.

— Ты чего средь бела дня? — удивился Таотэ.

Кэмпбелл служил в Корпусе самообороны, где бойцов обеспечивали сытным довольствием, так что в обеденное время он заглядывал крайне редко.

Кэмпбелл выложил какой-то свёрток на стол и с любопытством заглянул в котелок.

— Пахнет-то недурно... Но почему ты вечно ешь эту траву? — поморщился гость при виде постной каши. — Разве этим наешься? Неудивительно, что ты тощий как щепка.

Таотэ и сам не питал особой любви к вегетарианской пище. Будучи оборотнем, он подчинялся зову крови и обожал свежее мясо. Но обстоятельства диктовали свои правила — оставить малыша одного ради охоты он не мог.

Пока Кэмпбелл ворчал на постное варево, Таотэ подошёл к столу и развернул принесённый свёрток.

Внутри оказалась на удивление тонкая шкурка неизвестного зверя — невероятно мягкая на ощупь и необычайно тёплая. Для одёжки малышу она подошла бы идеально. Вот только Таотэ никогда прежде не встречал ничего подобного: по структуре напоминает выделанную кожу, но без малейшего намёка на шерсть.

— Ты ведь утром спрашивал про мягкую кожу? — напомнил Кэмпбелл.

— Это шкура зверя? — засомневался Таотэ.

— Поди разбери... — почесал затылок Кэмпбелл. — Утром в казарме порасспрашивал парней, один из наших присоветовал эту штуку. Говорит, добывают её из каких-то водных тварей, так что я и сам толком не знаю, что это за зверь такой.

С самого утра Кэмпбелл сбился с ног, пытаясь найти то, что просил Таотэ. Однако в Корпусе самообороны выбор советчиков был невелик, да и предлагали они всё больше банальщину.

Не добившись толку от сослуживцев, он даже заглянул к местному лекарю — тот часто путешествовал в поисках редких трав и слыл человеком сведущим. Но и шаман предложил лишь те варианты, о которых Кэмпбелл и сам прекрасно знал.

К полудню, устав от бесплодных поисков, Кэмпбелл уже готов был сдаться, как вдруг пришёл вестник: его срочно вызывал к себе глава племени Наши.

Кэмпбелл числился в Корпусе командиром отряда и по долгу службы пересекался с командованием, но личная аудиенция у главы племени была делом из ряда вон выходящим.

Отложив поиски кожи, он поспешил к вождю. Собрание, впрочем, оказалось чисто профилактическим: в окрестностях земель племени Наши стало беспокойно. Явных нападений не происходило, да и следов враждебных кланов не обнаружили. И всё же дозорные заметили неладное — кто-то раз за разом обходил или аккуратно обезвреживал ловушки на границах. Вождь приказал усилить патрулирование и немедленно докладывать о любых подозрительных знаках.

Обычно чужаки редко уходили невредимыми из искусно расставленных сетей. Здесь же действовал настоящий профессионал — бесшумно и незаметно...

<http://bllate.org/book/20392/2162141>